

Сергей ЗВЕРЕВ
ЛОГОВО БЕСА

Сергей Иванович Зверев

Логово беса

Серия «Спецназ ВДВ»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2547515

Логово беса: Эксмо; М.; 2011

ISBN 978-5-699-52666-6

Аннотация

Начальство поручает офицеру спецназа ВДВ Роману Никонову провести автономную операцию. Ее цель – выяснить, куда в последнее время пропадают известные московские ученые, работающие в перспективных направлениях науки. Во время поисков Никонов вышел на некоего Бессонова по прозвищу Бес, замешанного в похищениях людей. С ним Роману уже приходилось сталкиваться в Чечне. Там Бессонов, врач по образованию, занимался черным бизнесом – поставкой за рубеж донорских органов. В прошлый раз Бесу удалось избежать возмездия. Но пришел час расплаты...

Сергей Зверев

Логово беса

– ...Беспорядки на территории Киргизии продолжаются. Отряды местной милиции уже не в состоянии сдерживать народные волнения. И с той и с другой стороны есть убитые и раненые. Напомним, что двадцать третьего июля 2009 года в Киргизии прошли президентские выборы, в ходе которых со многими нарушениями, признанными многочисленными зарубежными наблюдателями, победил нынешний президент. Оппозиция не смогла составить конкуренцию мощному административному ресурсу. И вот теперь пик недовольства достиг своего апогея и перерос в массовые беспорядки...

Капитан спецназа ВДВ Роман Никонов взял пульт и переключил канал. Сейчас ему меньше всего хотелось смотреть, что где-то опять происходит кровопролитие и люди снова убивают друг друга. Но и на другом канале освещали последние события, происходящие в Киргизии.

Толпы манифестантов двигались как живая река. У них на пути стоял редкий заслон из цепочки милиционеров. Каждый из них держал в руках резиновую дубинку. Впереди милицейского заслона ходил какой-то важный чин с мегафоном в руке. Время от времени он призывал манифестантов разойтись, но толпа медленно и уверенно двигалась по направлению к зданию правительства. Ничего не помогало.

Людская река все накатывала и накатывала. Когда между милицейским заслоном и манифестантами осталось несколько метров, стражи порядка подняли дубинки на уровне груди, приготовившись к встрече. Через несколько секунд толпа возбужденных людей достигла их, а еще через несколько секунд жиденький заслон был смят и раздроблен на мелкие очаги сопротивления. Людской поток двинулся дальше. Ему навстречу устремились омовцы в серой униформе и пластиковых шлемах, с прозрачными щитами и резиновыми дубинками. Манифестанты встретили их градом камней и бутылок. В ход уже пошли арматура и обрезки труб. Началось настоящее побоище. Омоновцам явно не хватало сил, чтобы оттеснить разъяренную толпу, и через минуту их самих начали теснить. Прикрываясь щитами, они били дубинками налево и направо, как заправские казаки шашками, отступая шаг за шагом под натиском толпы. Несколько бойцов ОМОНа тащили на себе раненых, которых становилось все больше и больше.

Когда омовцы достигли стоящих позади них пожарных машин, на головы манифестантов обрушились тонны воды, сбивая их с ног. В это время с соседней улицы выехали еще пять автобусов с омовцами, и в столкновении наступил перелом. ОМОН стал теснить наступающих, а водометы довершали начатое. Через пять минут все было кончено. На улице кругом валялся мусор, выбоины на площади были заполнены водой вперемешку с кровью. Санитары из подъехавших

машин «Скорой помощи» помогали раненым. По улице замелькали люди в белых халатах и с носилками. Тут же омоновцы тащили к «воронкам» нескольких зачинщиков, заломив им руки за спину...

Капитан чертыхнулся и снова щелкнул кнопкой на пульте, переключая на другой канал.

Мария поняла его без слов и поэтому не стала возмущаться, только сильнее прижалась к мужу. На экране замелькали цветастые кадры рекламы, и Роман, осторожно освободившись из объятий жены, встал с дивана.

– Схожу покурю.

– Сходи, сходи, – согласилась Мария, потянувшись за пультом.

Выйдя на лестничную площадку, Роман столкнулся с соседом, который явно был подшофе. И немудрено: ведь сегодня был выходной, и многие мужчины отмечали «день шофера».

– О, Ромка! Привет! – обрадовался сосед.

– Здорово, Толик, – спокойно ответил ротный, доставая сигарету.

– Ты слышал, что творится в Киргизии? – Соседу из квартиры напротив явно хотелось с кем-нибудь поговорить, и он не нашел ничего лучше, как обсудить последние новости о народных волнениях в братской республике.

– И слышал, и видел.

Роман не был настроен на разговор и уже сто раз пожалел,

что вышел на площадку. Теперь придется кивать и поддакивать подвыпившему Толику.

– Нет, ну я их понимаю! Так зажать народ... Да тут никакого терпения не хватит! Будь я там, тоже пошел бы на баррикады.

– Да-а, это точно, – согласился с ним Роман, хотя, конечно же, считал иначе.

– Ты вот мне одно скажи, Ромка, – Толик приблизился и положил руку на плечо ротного, – чего им не хватало в СССР? Жили бы сейчас и горя не знали. Такую страну развалили...

Роман понял, что пора уходить, а то придется еще долго слушать политинформацию от Толика на тему «как нам раньше было хорошо жить при Советском Союзе...».

– Ты бы еще Ленина вспомнил, – усмехнулся ротный и, вдавив недокуренную сигарету в консервную банку, служившую пепельницей, сказал на прощание: – Надо, Толик, жить сегодняшним днем, а не вчерашним.

– Не согласен!.. – возмутился сосед, но ротный уже открывал дверь своей квартиры. – Некогда мне. Пойду я, – бросил через плечо.

– Ты не обижайся на меня, Ромка. Это я так... – попытался оправдаться за свою назойливость Толик, но ротный уже скрылся за дверью.

Не успел Роман вновь расположиться на диване, как в коридоре зазвонил телефон. Никонов подавил вздох и уже хо-

тел подняться и взять трубку, как жена остановила его:

– Сиди. Я пойду посмотрю, кому там неймется в выходной день. Может, это опять твои бойцы. Захотели позвать тебя выпить по кружке пива, – предположила Мария, остановившись в дверях. – Так знай – я против.

Через секунду прозвучало короткое: «Да, сейчас позову!», и в дверях снова появилась Мария.

– Это Волков. Просил позвать тебя к телефону.

Роман нехотя поднялся и, посмотрев на жену, пожал плечами. Сегодня был его законный выходной, и он не мог представить, что понадобилось шефу. Кашлянув, ротный ответил:

– Да, товарищ генерал, слушаю!

– Капитан Никонов? Вам надо срочно прибыть в расположение части! Через сорок минут жду вас у себя!

Официальный тон генерала не оставлял сомнений в том, что в его кабинете находился кто-то еще – и скорее всего, тот, при ком генерал не хотел показывать свои панибратские отношения со своим подчиненным.

– Сейчас буду! – коротко ответил Роман и положил трубку.

Повернувшись, он увидел расстроенное лицо жены, которая смотрела на него, надув свои и без того пухлые губки.

– Опять неотложное дело? – с оттенком сарказма спросила она.

– Не знаю. Пока приказали прибыть в часть, – спокойно

ответил Роман.

Сейчас, когда Мария была на шестом месяце беременности, он старался не расстраивать ее, хотя многое, конечно, зависело не от него. Например, этот неожиданный приказ генерала явиться к нему в свой законный выходной... Это могло означать только одно: в ближайшие два дня предстоит какая-то горячая работенка. И, скорее всего, небезопасная. Но Роман не стал высказывать вслух свои предположения, а пообещал жене вернуться, как только освободится. Быстро собравшись, он поцеловал Машу и вышел, осторожно закрыв за собою дверь.

Весна еще не вступила в свои права, и первые солнечные деньки как никогда радовали жителей городка. Молодые мамы гуляли со своими малышами, старушки сидели на лавочках, грели свои косточки на солнышке. По дороге в часть ротный не единожды встречал отдохавших на парковых скамейках молодых людей, которые неторопливо потягивали из бутылок и банок пиво. Город готовился к приближению настоящего тепла, когда начнут распускаться почки, появятся зеленые листочки, а по городу поплывут ароматные запахи зелени и весны.

Роман никогда не понимал тех, кому нравилась осень. Как и большинство людей, ротный предпочитал весну и лето. Его не смущало даже то, что большую часть времени он находился либо в части, либо на задании. Все равно в те немногие выходные, которые ему выпадали, Роман получал истинное

наслаждение, независимо от того, купался ли он в Волге или гулял с Марией по лесу...

Прошлым летом, например, им удалось выбраться на природу целых три раза. Это было много, даже очень много. Трижды за лето им удалось побыть вдалеке от суеты, проблем и времени. Мария, кажется, до сих пор не верила в то, что это была реальность. Но она подтверждалась маленькой жизнью, быющей сейчас в ее животе. Именно там, на волжских берегах, в один из свободных дней, а точнее, ночей, и был зачат их ребенок. Роман не сомневался в том, что это было именно так, поскольку все три раза отдых обрывался резко и внезапно, одним-единственным телефонным звонком, который все менял, и ротный, отвечая в трубку лишь: «Все понял, выезжаю», резко срывался с места вместе с женой и, отвезя ее домой, отправлялся на новое задание. А она оставалась ждать. И к осени они уже узнали, что Мария беременна.

Ждать Романа жене приходилось часто, и, казалось, она давно должна была уже к этому привыкнуть. Но к такому не привыкнешь. Всякий раз ротный при очередном его вызове на работу видел в глазах Маши грусть и тревогу, которую она безуспешно пыталась скрыть. Правда, кое-что все-таки изменилось: ушли раздражение и обиды, которые раньше были первой реакцией женщины на его служебные отлучки. Роман понял, что в душе супруга смирилась, потому что очень любила его и понимала, что без своей работы он не сможет быть

полноценно счастлив. И, видимо, решила про себя, что пусть он ТАМ оберегает других людей от зла, а она будет оберегать его здесь: хранить его тыл и их общий семейный очаг.

К тому же теперь, когда Роман вот так внезапно уезжал, она оставалась как бы не совсем одна. Малыш внутри ее придавал сил. Мария сама признавалась в этом Роману; правда, тут же говорила, что и тревогу теперь чувствует двойную. Ротный и сам прекрасно понимал это и чувствовал нечто похожее: теперь на нем была двойная ответственность – за жену и будущего ребенка. И легкомысленно распоряжаться собственной жизнью, не думая о них, он не мог. Но капитан спецназа Никонов был не лыком шит, чтобы просто так, ни за грош, отдать свою жизнь. В скольких передрягах ему приходилось побывать, из скольких ловушек выбираться, когда смерть, казалось, уже вцепилась своей костлявой рукой в его горло и никак не хотела отпускать! И все же он находил выход, и помогали ему в этом собственные опыт и умение. И еще судьба хранила. Он был в этом уверен. Вот и сейчас, отправляясь в неизвестность, Роман успокаивал себя тем, что все будет хорошо...

К генералу ротный прибыл раньше срока. Постучавшись, вошел в кабинет и замер в дверях. За столом напротив генерала сидели два человека. Один из них был мужчина среднего возраста с проседью на висках. Его цепкий взгляд и выправка выдавали в нем военного. Перед ним лежала открытая папка, и ротный понял, что его худшие предположе-

ния оправдались. Он успел заметить на листках аббревиатуру «СС», которая могла означать только одно – совершенно секретно.

«Значит, точно задание», – подумал Роман и перевел взгляд на второго сидящего за столом. Это была женщина. Именно увидев в кабинете генерала женщину, Никонов на доли секунды опешил. Раньше он никогда не видел здесь женщин и всегда считал, что армия и тем более спецназ предназначены только для мужчин. По тому, как вела себя женщина, ротный сразу сделал соответствующие выводы. Во-первых, она держалась очень раскованно, несмотря на то что находилась в компании троих мужчин. На вид ей было лет двадцать восемь – тридцать, не больше. Короткая стрижка густых черных волос, открытое лицо. Правильный нос, красивые брови, тонкие губы. И тем не менее ее нельзя было назвать красавицей. Про таких обычно говорят – миленькая, но ничего особенного. А вот глаза... они выдавали ее внутреннюю сущность. Характер у молодой женщины был волевой, и эпитеты «слабая» и «беззащитная» по отношению к ней неуместны.

– Ну что застыл, капитан? Проходи. – Генерал указал на свободный стул.

Седовласый мужчина и сидящая возле него женщина проводили ротного внимательным изучающим взглядом.

– Знакомьтесь, товарищи, это капитан Никонов. А это наши гости из Москвы, – продолжил Волков и тут же доба-

вил: – Из спецотдела.

Из того, что имена странной парочки знать было не положено, капитан сделал неутешительные выводы. За этим могло стоять все, что угодно, – вплоть до того, что от него могли потребовать выкрасть у какой-нибудь западной разведки парочку секретных документов.

«Ну, нет, конечно! – тут же сказал сам себе ротный. – Такого никогда еще не было и, думаю, не будет. Для подобных операций существует другая организация».

– Очень приятно, – сказал Роман, но в ответ ничего не услышал. Парочка по-прежнему пожирала его глазами, как будто бы хотела просканировать его мозг.

– Сейчас ты выслушаешь доклад наших гостей из столицы, а потом выскажешь свое мнение, – прервал генерал неловкую паузу. – Пожалуйста, – предложил он, призывая мужчину с папкой приступить к делу.

– Прежде чем начать, я хотел бы кое-что уточнить у капитана Никонова, – повернувшись к Волкову, предложил седовласый.

– Пожалуйста, пожалуйста. Как считаете нужным.

– Скажите, капитан, вам приходилось принимать участие в операциях по спасению людей?

– Приходилось.

– А были ли случаи, когда по вашей вине погибали люди? Скажем, кто-нибудь из вашей группы?

– Да пока бог миловал. – Роман дернул плечом и посмот-

рел на Волкова.

Ему не нравился этот допрос. Капитан прекрасно понимал, что, прежде чем явиться сюда, они уже сто раз прочли его дело и выяснили все нюансы. Так зачем тогда нужны были эти вопросы? Ротный не понимал этого – и еще больше злился.

– Хорошо. Тогда приступим... – Мужчина переложил листки в папке и, найдя нужный, поднес его поближе к глазам. У него явно были проблемы со зрением.

Быстро пробежав глазами по строчкам, он посмотрел на Романа.

– Сегодня вам предстоит отправиться в Киргизию для выполнения очень важного и секретного задания, – как из пушки выпалил седовласый, как будто бы боялся, что его перебьют.

– Можно ознакомиться с заданием или это тоже секретная информация?

– Вам предстоит сопроводить некий контейнер до места назначения.

– И это все? – Ротный покосился на генерала, тот был напряжен.

– Все.

Седовласый закрыл папку и передал ее женщине.

– Тогда я могу идти? – Ротный уже поднялся из-за стола, когда услышал приказ:

– Сядьте, капитан! Это еще не все! Вам предстоит в тече-

ние двенадцати часов находиться на территории, где повсюду происходят беспорядки, а попросту говоря, – сплошная анархия. У вас не будет никакой поддержки – ни со стороны власти, потому что ее попросту не существует, ни со стороны милиции или других властных структур. При нынешних обстоятельствах мы не имеем права обнародовать ваше присутствие на территории Киргизии. К тому же повторяю – это секретная операция! – «Московский гость» подтвердил свои слова известным жестом, указав пальцем в потолок.

– Я понял. Сколько у меня времени на сборы?

– Нисколько.

– Но мне нужно будет создать группу... – возразил было ротный, однако седовласый не дал ему договорить.

– Можете взять с собою только одного человека. В противном случае вы привлечете к себе нежелательное внимание, – пояснил мужчина. – Кого вы хотите взять с собой на задание?

– Федора, – не задумываясь, ответил ротный и увидел, как седовласый кивнул.

– Мы так и думали.

– Ваш боец уже ждет вас на взлетной площадке. Все необходимое вы получите в самолете. Вылет через полчаса. Детали вам по дороге объяснит Лана. – Москвич посмотрел на женщину.

– Она что, тоже летит с нами? – не выдержал ротный, но тут же осекся: – Извините.

– Лана – специалист по республикам Средней Азии, прекрасно знает местный менталитет, а также язык, без которого вы со своим бойцом будете беспомощны, как слепые котята. Именно она знает, где и, главное, у кого забрать контейнер. А вам, капитан, останется только проследить, чтобы ни с ним, ни с ней, – он указал на женщину, – ничего не случилось. В оговоренное время за вами прилетит военный самолет, который и доставит вас обратно к месту назначения. Все понятно, капитан Никонов? – Вопрос прозвучал как приказ.

– Так точно! Разрешите выполнять?

– Внизу уже ждет машина, которая доставит вас к месту посадки, – сказал седовласый и первым вышел из кабинета.

Ротный любезно пропустил вперед молодую женщину и, когда она перешагнула порог кабинета, бросил ей:

– Извините, я сейчас.

Подойдя к генералу, Роман развел руками:

– Что это, товарищ генерал?

Волков поднял уставший взгляд.

– Я знаю не больше твоего, – ответил он и отвел глаза в сторону дверей.

Ротный резко обернулся. В дверях, оперевшись о косяк, стояла Лана.

Чертыхнувшись про себя, ротный, бросив злой взгляд на женщину, прошел мимо.

А в это время на другом конце океана, в одном из секретных отделов известной западной разведки, за круглым столом сидели несколько человек в одинаковой униформе без опознавательных знаков. Их взгляды были сосредоточены на огромном экране компьютерной карты, возле которой стоял немолодой поджарый мужчина. Его выправка и энергичность говорили о том, что большую часть своей жизни он провел в военных структурах – и, скорее всего, в действующих, а не в штабных.

– Итак, господа наемники. Вам предстоит отправиться в одну из республик бывшего Советского Союза, где сейчас происходят столкновения между властями и мирным населением. Это Киргизия.

– На стороне кого из них нам предстоит повоевать? – усмехнулся здоровенный негр по прозвищу Терминатор.

Мужчина возле карты проигнорировал его издевку и продолжил:

– Вы вчетвером отправитесь в столицу республики Киргизии, город Бишкек, где находится научно-исследовательский институт, в котором вот уже много лет проводятся разработки по нанотехнологиям. Вам надо будет, воспользовавшись неразберихой в республике, забрать образцы этих разработок и доставить их к месту, откуда вас заберут после опера-

ции.

– Скажите, полковник, – молодой мужчина со шрамом на левой щеке поднял руку, – а как мы узнаем эти образцы? Или нам придется доставить все, что будет находиться в этом институте?

– По нашим сведениям, русские тоже готовят подобную операцию, так что образцы уже будут приготовлены для отправки. Вам не надо будет ничего искать. Надо будет только забрать контейнер, который находится у одного из сотрудников НИИ, – пояснил полковник.

– Какие у нас полномочия? – спросил один из наемников, все это время сидевший молча.

– Самые широкие. Все спишется на действия повстанцев, так что можете действовать по своему усмотрению. Для нас главное, чтобы контейнер не оказался в руках русских.

– Как нас будут забрасывать? – поинтересовался негр, который, скорее всего, был старшим среди наемников.

– Вас доставят на авиабазу «Манас» на одном из военных самолетов, перевозящих гуманитарные грузы.

– Но насколько я знаю, авиабазу «Манас» закрыли в прошлом году из-за каких-то там финансовых нестыковок... Кто-то хотел получать больше, а кто-то не хотел платить лишнего. – Негр явно демонстрировал свою осведомленность в политических вопросах.

– Все закончилось выгодным для обеих сторон компромиссом. Но речь сейчас не об этом. Сейчас я объясню вам

детали и некоторые нюансы предстоящей операции. На данный момент у нас нет нужного специалиста по Среднеазиатскому региону, поэтому вам надо будет хорошо запомнить то, что я вам сейчас объясню. Прошу все внимание на экран.

В следующую минуту на экране стали появляться снимки Бишкека – как его центра, так и окраин...

* * *

Когда машина остановилась на аэродроме, ротный увидел на нем небольшой самолет, возле которого топтался Федор; по его виду было заметно, что он растерян. Решив приободрить друга, Роман, улыбаясь, подскочил сзади к бойцу:

– Что, спецназовец, невесел? Что ж ты голову повесил?

– Да непонятно все. Приехали, забрали... Сказали, на задание, а что и как, не объяснили, – недовольно высказался Федор, и тут ротный увидел, как изменилось его лицо, когда он заметил подходившую к ним Лану. – А это кто? – шепнул он своему командиру.

– С нами поедет. Старший группы, – так же тихо ответил Роман, продолжая следить за его реакцией.

– Че-его-о-о-о? Баба нами командовать будет?

– Не баба, а офицер спецподразделения. – На губах женщины появилась легкая усмешка.

– А-а, ну если так, то конечно, – протянул Федор и пошел вслед за ней к трапу.

Самолет был забит какими-то ящиками, мешками и коробками, на которых крупными буквами было написано всего две буквы – ГГ, гуманитарный груз. И только возле кабины пилотов было свободное пространство с четырьмя креслами, куда, собственно, и «приземлились» спецназовцы и прикомандированная к ним офицер спецподразделения Лана. Когда самолет поднялся в небо и можно было нормально разговаривать, ротный решил выудить хоть какую-нибудь информацию.

– По-моему, не совсем умно посылать троих русских в азиатскую республику. У вас что, не нашлось подходящих кандидатур среди... – Ротный приложил пальцы к краям глаз и растянул их в стороны, изображая лицо с восточной внешностью.

Лана пристально посмотрела на Никонова, немного подумала, а потом выдала:

– Во-первых, приказы не обсуждаются; во-вторых, в Киргизии проживает около десяти процентов русскоязычного населения, при пятимиллионном населении это немало, так что на их фоне мы не будем выглядеть белыми воронами.

– В Киргизии проживает пять миллионов человек? – переспросил ротный.

– Это общее число населения. А если посмотреть в процентном отношении, то получаются следующие цифры: киргизы – семьдесят с половиной процентов, узбеки – почти пятнадцать, русские – десять, остальные национальности

около девяти. На сегодняшний день население Киргизии составляет 5,3 миллиона человек. Это почти в два раза больше, чем проживало в шестидесятых годах. Население республики быстро росло за счет миграционного и естественного прироста, который был особенно значительным у сельских киргизов, узбеков и других среднеазиатских народов. Кроме того, в послевоенные годы на территорию республики было выслано много немцев, которые к 1989 году составляли два с половиной процента от общей численности населения. А когда прошли выборы первого президента, он даже предложил им создать свою собственную автономную область.

– Как интересно... Может, еще что-нибудь расскажете? – съязвил Федор.

– Безусловно. Я должна рассказать вам хотя бы в общих чертах, куда и зачем мы направляемся. Понимаю, что вы не мальчики и вам приходилось уже воевать на Кавказе, но все же среднеазиатские республики имеют свои особенности, – начала Лана, не обращая внимания на отношение к ней крутых мужчин, сидящих напротив. Тем более что в ее обязанности входило информирование бойцов о предстоящей операции.

– Давно не был на политинформациях. – Федор сложил руки на груди и откинулся назад.

– Я тоже с удовольствием послушаю офицера спецподразделения, – подмигнул ему ротный и, повернувшись к Лане, предложил: – Начинайте, офицер.

– Киргизия находится на северо-востоке Средней Азии, главным образом в пределах западной и центральной части Тянь-Шаня. На севере граничит с Казахстаном, на западе – с Узбекистаном, на юго-западе – с Таджикистаном, на юго-востоке и востоке – с Китаем. Во время распада СССР Киргизия становится отдельным государством, в октябре девяностого года там избран первый президент. Он пробыл на своем посту вплоть до так называемой революции тюльпанов в две тысячи пятом году, когда на его место был избран второй президент из оппозиции первого. В том же девяностом году на территории республики, в одном из НИИ, был создан секретный отдел по разработке нанотехнологий. Естественно, в этом проекте принимали участие как наши ученые, так и киргизские. Когда же первый президент подписал заявление о своем уходе с президентского поста, проект хотели закрыть, но потом все же оставили.

– Разрешите поинтересоваться, почему? – Усмешка не сползала с лица Федора.

– Потому что к тому времени волнения в стране успокоились, и нормальная жизнь в республике была восстановлена новой властью. В сегодняшнем положении, когда второй президент оказался не способен урегулировать конфликт с народом и вынужден был бежать из своей страны, наше руководство опасается, что секретные разработки могут оказаться не только под угрозой, но и в руках западных спецслужб. Поэтому и было принято решение вывезти контейнер

с наиболее ценным грузом.

– А что в контейнере? Бумаги, диски или, может быть, искусственные человеческие органы? Например, титановое сердце. – Ротный серьезно смотрел на Лану. – Я вот тут накануне смотрел одну передачу, где показывали, как женщины вмонтировали титановое сердце, удалив ее собственное, – рассказывая, Роман повернулся к другу. – Представь, Федор, как было бы классно! Чувствуешь, сердце забарахлило – пошел в поликлинику, вставил себе другое – и снова как огурчик.

– Ага! И на задание выдавали бы по парочке, как шприц-тюбики.

– Ха-ха-ха!!! – Спецназовцы разразились громким смехом.

Первым успокоился ротный:

– Нет, ну, правда. Что в контейнере... – он запнулся на полуслове.

– Лана. Меня зовут Лана, – помогла ему девушка.

– Какое странное и, главное, редкое имя. – Федор сделал удивленное лицо.

– Сокращенное от имени Светлана, – пояснил ротный, прежде чем девушка открыла рот.

– Так вот, Лана, нам очень хотелось бы знать, ради чего нам придется рисковать жизнью на чужой территории, где, должен вам заметить, сейчас происходят кровавые столкновения между мирным населением и властями. – Федор ре-

шил показать, что они в курсе, что творится на территории Киргизии.

– Кстати, Лана, а где должен приземлиться наш самолет? – Ротный нагнулся к девушке. – В «Манасе»? Или, может быть, в Ферганской долине? А может, в Чуйской?

Ротный сделал серьезное лицо и, подняв кверху глаза, выдал:

– Киргизия не имеет выхода к морю. Более трех четвертей территории Киргизии занимают горы. Пик Победы высотой почти семь с половиной тысяч метров – наивысшая точка страны. Территория Киргизии расположена в пределах двух горных систем. Северо-восточная ее часть, большая по площади, лежит в пределах Тянь-Шаня, юго-западная – в пределах Памиро-Алтая. Государственные границы Киргизии проходят главным образом по гребням горных хребтов. И лишь на севере и юго-западе, в густонаселенных Чуйской и Ферганской долинах, – по подножиям гор и предгорным районам.

По тому, как брови Ланы приподнялись, ротный сделал вывод, что достиг нужного эффекта.

– Хочу изменить ваше представление о том, что в спецназе служат люди, имеющие только физическую подготовку. Никто не может знать, где завтра может начаться военный конфликт, поэтому у нас проходят соответствующие занятия по изучению территории той или иной республики. Особое внимание уделяется как раз кавказским и среднеазиатским

республикам. А в такой республике, как Киргизия, всегда было беспокойно, поэтому к ней обращено самое пристальное внимание. Так что в контейнере, Лана? – не унимался ротный.

– Это закрытая информация. Нам приказано забрать его и доставить к месту назначения. Остальное нас не касается, – отрезала девушка.

Секунду помолчав, она добавила:

– Приземляться мы будем на специальном аэродроме, где принимают гуманитарные грузы. А вот забирать нас будут совершенно в другом месте, о котором сообщат позже. Кстати, я тоже хочу изменить ваше отношение к тому, что в спецподразделениях должны служить только мужчины и что женщинам здесь не место. Вы же именно так думаете? – Лана усмехнулась, переводя взгляд с одного спецназовца на другого.

– Вы очень проницательны. Да, мы именно так и думаем, – согласился Федор, посмотрев на командира, но тот воздержался от комментариев, желая поскорее услышать рассказ девушки.

Лана отвела глаза в сторону, думая, с чего бы начать свое повествование, и тут ей вспомнилось детство...

* * *

Светлана родилась в маленьком провинциальном город-

ке. Ясли, детсад, школа – обо всех этих учреждениях у нее остались хорошие, светлые воспоминания. И с воспитателями, и с учителями, и со сверстниками ей повезло, никаких конфликтов не возникало. Так что детство можно было назвать счастливым.

Словом, все шло обычным чередом, как и у многих детей того времени. Но потом все рухнуло в одночасье. Распался Советский Союз, изменилась система ценностей и приоритетов, изменились люди, изменились законы. Иногда казалось, что все встало с ног на голову, что все вокруг творят что хотят. Не живут, а выживают, используя каждый свои методы. «Выживает сильнейший», – этот девиз Светлана взяла на вооружение.

Жить было страшно. Стали появляться всевозможные банды рэкетиоров и просто отмороженных бандитов, которые могли запросто схватить любую понравившуюся девчонку и, увезя ее подальше, сделать с ней что пожелается. Эта волна вседозволенности не обошла и их городок. Бывшие уголовники стали устанавливать в городе свои правила. К ним потянулись трудные подростки и всякая шпана.

К тому времени Светлане исполнилось пятнадцать лет. Тогда она еще была не Ланой, а просто Светкой, невзрачным угловатым подростком. И, наблюдая за тем, что происходит вокруг, девушка начинала понимать, что нужно выбирать собственные способы защиты, что прежние уже не действуют. А становиться жертвой каких-нибудь убожков не

хотелось совершенно.

К тому времени в моду вошли восточные единоборства. Светлана, которая всегда была со спортом на «ты», не раздумывая, пошла и записалась в секцию таэквондо. Изучив там азы, она поняла, что это не ее. Не вообще единоборства, а именно таэквондо. Там учили только странным танцам и в большей степени занимались медитацией. Светлану все это раздражало, казалось абсолютно ненужным. Она ждала практического применения полученным знаниям, а этого на тренировках как раз не наблюдалось. Может быть, учитель не хотел учить детей боевым приемам, видя, что творится на улицах города. Вскоре Светлане надоело впустую тратить время на всякую ерунду, и она перешла в секцию карате. И тут у нее неожиданно открылся талант каратиста.

– У тебя природная реакция, координация движения и резкость, – говорил тогда тренер, прочивший Светлане олимпийские пьедесталы.

Девушка с удовольствием тратила вечера не на дискотеки и прогулки с парнями и подружками, а на тренировки. Часами пропадала в спортивном зале, не жалела себя и дома, занимаясь самостоятельно, как только выпадала свободная минутка. Уставала сильно, приходя с тренировок домой, обессиленно падала в постель, порой даже не успевая раздеться, и моментально засыпала. А на следующий день – все по новой.

К слову сказать, то, чего она так боялась и чего хотела

избежать, то есть нападений на улице всяких отморожков, так и не случилось. И это было, конечно, здорово, хотя порой Светлана испытывала нечто похожее на разочарование. Уже она бы показала этим уродам, на что способна женщина!

К моменту окончания школы Светлана уже была кандидатом в мастера спорта и участвовала в различных соревнованиях. Выступать ей приходилось много, но призовые места давались легко, словно нечто само собой разумеющееся. Казалось, что это просто дар с неба, а не результат долгой и упорной работы. И Света, с одной стороны, была вроде бы довольна и счастлива, как и любой человек, добившийся рекордов, но с другой – ее не покидало ощущение, что все это только подготовка к чему-то более серьезному, ожидающему ее впереди. И она ждала. Молча, про себя, никому ничего не говоря о своих предчувствиях и не делясь ни с кем мыслями.

Однажды в спортзале она увидела странного, невзрачного на первый взгляд человека, который внимательно следил за тем, как занимались ребята. Светлана не раз ловила на себе его взгляд – пристальный, оценивающий и какой-то неприятный. Так продолжалось несколько дней. Потом девушка увидела его на очередных соревнованиях. Он сидел рядом с тренерами представленных бойцов и так же внимательно следил за тем, как проходили состязания.

Вскоре после очередной вечерней тренировки тренер пригласил Светлану к себе в кабинет, где ее уже ждал тот самый странный мужчина.

– Меня зовут Глеб Евгеньевич, – начал он без предисловий каким-то серым, невыразительным голосом – таким же, как и его внешность.

– Светлана, – представилась девушка.

Увидев недовольное и даже злое лицо своего тренера, Света поняла, что невзрачный мужчина, скорее всего, из Олимпийского комитета и что сейчас он начнет предлагать ей продолжить свою карьеру в олимпийском резерве. Ни для кого не секрет, что перспективных спортсменов всегда перекупали. Но случилось то, чего девушка ожидала меньше всего.

– Это не твое, – без обиняков выложил Глеб Евгеньевич и пояснил: – Я имею в виду то, чем ты здесь занимаешься.

У Светланы екнуло сердце. Глеб Евгеньевич высказал вслух ее собственную мысль, которая не давала ей покоя все последнее время и которую она тщательно скрывала от кого бы то ни было.

– Мне нравится заниматься карате, – не очень уверенно возразила девушка.

– У тебя большой потенциал. Ты прирожденный боец, а поэтому, занимаясь только карате, ты попросту не сможешь раскрыть его полностью. А тебе ведь хочется достичь чего-то большего.

Последние слова странного человека были больше похожи на утверждение, чем на вопрос, поэтому Светлана промолчала в ответ. В этот момент ее охватило чувство, что

именно здесь и сейчас вершится ее судьба.

– Завтра приходи ко мне. Посмотришь, что и как. Понравится – останешься. А нет – уговаривать не буду, – сказал на прощание Глеб Евгеньевич и протянул листок с адресом.

Странный человек ушел, а Светлана вопросительно посмотрела на тренера – мол, подскажите, как быть.

– Придется идти, – коротко бросил тренер, и девушка поняла, что ушедший мужчина имеет над ним безоговорочную власть. Обычно тренер разговаривал так, что было ясно: он один решает здесь все, ему подчиняются все и вся, и его решения не обсуждаются. Сейчас же все было иначе.

На следующий день Светлана отправилась по нужному адресу. Подвал, в который попала девушка, ничем не отличался от того, где она занималась карате – в те годы практически все секции располагались в подвалах жилых домов. Маты, груши, парочка тренажеров – ничего особенного. Вот только занимающихся там было немного.

Глеб Евгеньевич в спортивном костюме стоял посередине, а вокруг него расположились трое мальчишек и одна девчонка, все примерно одного возраста со Светланой. Единственное, что отличалось от других секций, где Светлане приходилось бывать, – здесь не было того настроения, которое всегда присутствовало в тех или иных секциях. В основном в других местах на тренировках был дух соперничества и даже агрессии, когда каждый хочет чем-то выделиться за счет других. И такое отношение поддерживали сами тренеры, так

как считали, что только в подобной атмосфере вырабатывается определенный характер у настоящего бойца. А этот подвал больше походил на клуб старых друзей по интересам.

Когда Светлана вошла, Глеб Евгеньевич представил ее:

– Это Светлана, или можно просто Лана – так будет удобнее. Теперь она будет заниматься у нас.

Девушка хотела было возразить и по поводу своего сокращенного имени, и по поводу того, что только она будет решать, оставаться ей здесь или нет, но успела только начать:

– Но я...

– Слова потом, Лана, – тут же спокойным, не терпящим возражений голосом перебил ее тренер. – Предлагаю для начала поспарринговаться с моими учениками, чтобы понять, куда ты попала и чему здесь учат.

Светлана обвела взглядом присутствующих. Ни у кого из них комплекция не была больше, чем у нее, и девушка кивнула в знак согласия.

– Работаете в полный контакт, – сказал Глеб Евгеньевич и хлопнул в ладоши.

Напротив Светланы стоял худенький мальчишка лет шестнадцати, с простым и даже наивным лицом. Девушка встала в стойку, решив, что первой нападать не будет, а посмотрит, какой техникой владеет противник. Но оказалось, что парнишка тоже не спешил бросаться в бой, а ждал нападения Светланы. Когда переходы с места на место порядком надоели девушке, она пошла в наступление, решив побыст-

рее покончить с этим показательным выступлением. Света была уверена в своих возможностях как никогда. Проведя серию ударов, она вдруг обнаружила, что ни один ее сокрушительный выпад не достиг цели. Парнишка с легкостью уходил в сторону, даже не пытаясь поставить блок или нанести ответный удар. После второго такого же поражения Светлана разозлилась не на шутку и, не останавливаясь, пошла в атаку. Она даже и не поняла, как оказалась на матах. Вскочив на ноги, снова попыталась достать своего противника, но через секунду опять лежала лицом вниз. Она не могла понять, как так могло получиться. Света не считала себя новичком в единоборствах, но все же подобные приемы видела впервые.

– Что это было?

– Русский рукопашный стиль, школа Кадочникова, – пояснил Глеб Евгеньевич.

Конечно же, Светлана слышала о таком виде единоборств и даже один раз видела по телевизору, как дядьки в старинных русских одеждах исполняли какие-то нехитрые приемы. Но она и представить себе не могла, что ей придется на себе прочувствовать всю технику этой на первый взгляд обычной борьбы. И, как ни странно, Светлане, которая по пути сюда в душе была твердо уверена, что только выполнит просьбу-приказание Глеба Евгеньевича, посетит секцию и уйдет навсегда, вдруг захотелось остаться здесь и научиться всем тонкостям этого нового для нее единоборства.

Глеб Евгеньевич обладал явным талантом психолога: он

безошибочно определил настроение Светланы, понял, о чем она думает, и, заглянув ей в глаза, произнес совершенно обыденным тоном:

– Значит, завтра в это же время.

И Светлана с радостью кивнула и неожиданно улыбнулась...

Потом были занятия – изнуряющие, на пределе человеческих возможностей и за их пределами. Вместе с Ланой – теперь ее называли именно так – в секции занимались четыре человека: трое мальчиков и одна девочка, которую звали Тори. Настоящее ее имя было Виктория, но Глеб Евгеньевич почему-то решил дать девочкам сокращенные имена, причем на иностранный манер. Позже выяснилось, почему...

Тренера все называли учителем, и со временем Лана поняла, что именно это имя ему большего всего подходит как тренеру. Он работал со своими учениками, создавая атмосферу не жесткого подчинения, а сотрудничества. Он учил не только двигаться, правильно выполняя те или иные приемы, а учил выживать в любой ситуации. А еще он учил жить. Отличать черное от белого, хорошее от плохого, правду от лжи.

При этом они не были друзьями – Лана и те ребята, что занимались вместе с ней. Они не встречались после тренировок, не ходили друг к другу в гости и даже не знали, кто где живет. Не было в правилах секции и делиться друг с другом личными вещами и секретами, не было принято и рассказы-

вать о своих делах в школе или, например, о родителях. Все эти правила были неписаными, никто специально к этому не склонял, просто подобные отношения были словно навязаны общей атмосферой, они как бы подразумевались сами собой. При этом все ребята держались так, словно делали одно общее дело и готовы были всегда прийти друг другу на помощь в случае необходимости. И Лана, порой задумывающаяся о своих товарищах по секции, пыталась подобрать слово, характеризующее их отношения, и никак не могла. Самым подходящим казалось слово «партнеры».

Через год группа уменьшилась вдвое. Куда делись остальные, Лана не знала. Учитель тоже не объяснил, сказал только: – У каждого своя дорога. Они выбрали свою.

Когда пришло время продолжать учебу после окончания школы, Лана подала документы в кулинарный техникум. В принципе, ей было все равно, куда поступать, так как все ее мысли и вся жизнь сейчас были сосредоточены на занятиях с учителем. Она настолько привыкла и к ним, и к нему, что уже не могла себе представить жизни без этой секции. О том, что рано или поздно все закончится, Лана старалась не думать.

Между тем страну сотрясали очередные катаклизмы: дефолт, война в Чечне и прочее, но Лану это мало интересовало – ее ведь это не касалось напрямую и потому казалось каким-то далеким и не очень реальным. Но вот однажды ей пришлось взглянуть на жизнь другим взглядом и понять, что

происходит вокруг. Причем ситуация оказалась настолько трагичной, что Лана не могла себе представить такого даже в страшном сне – погибли ее родители. Единственные близкие люди на всем белом свете. Они оказались в эпицентре взрыва, который устроила террористка-смертница.

Лане тогда казалось, что ее жизнь закончена. Что в ней уже никогда не будет той беззаботной уверенности в том, что она под надежной защитой, что мама и папа будут рядом всегда и уберегут от любой неприятности, надежно укроют от всех невзгод... В Лане, как и в любой девочке, несмотря на всю ее самостоятельность и силу, подсознательно жило это чувство. И вот теперь она его лишилась. Только сейчас Света осознала себя совсем маленькой и совершенно беспомощной в этой жизни. Поначалу она заходила в истерики, совершенно не могла спать по ночам, бесконечно плакала. Ей казалось, что, если она провалится в сон, с ней случится что-то непоправимое без мамы. Иногда, задремав от усталости, она просыпалась от собственного крика, и первая мысль, которая возникала у нее в голове при пробуждении, – родителей нет! Я совсем одна! И от этого становилось очень плохо.

Потом Лана стала задавать себе бесконечные вопросы «почему» и «за что». Разумеется, не находя на них ответов. Измучив себя этими мыслями, она несколько успокоилась, пройдя и этот этап переживания потери.

Потом состояние ее стало вялым и заторможенным. Ей не хотелось никуда выходить, не хотелось есть, читать, слушать

музыку. Вообще ничего не хотелось – только лежать на диване, уткнувшись лицом в стену, и ни о чем не думать.

Все время, пока Лана находилась в депрессии, в трауре и вообще в непонятном для себя состоянии, когда не реагируешь ни на что, рядом с ней всегда был учитель. Он мало говорил, но Лана чувствовала невероятную поддерживающую силу, исходящую от него. Если бы не он, ей было бы в тысячу раз тяжелее перенести боль утраты, и длилась бы она намного дольше. Но время лечит, это действительно так. Оно устраняет, стирает из памяти все наши переживания – и хорошие, и плохие.

Через какое-то время прошло и это невыносимо тягостное состояние, и Лана снова оказалась в спортзале. Только теперь у нее была цель. Она жаждала бороться с преступниками, с боевиками, с террористами – в общем, со всем мировым злом. Своими мыслями она поделилась с учителем, и тот, внимательно посмотрев на свою ученицу, как-то расстроенно сказал:

– Ну что ж, Лана, видимо, и твое время пришло. Несколько раньше, чем я предполагал, но тут уж ничего не поделаешь...

Уже на следующий день Лана стояла перед инструктором разведывательно-диверсионной школы, где ей пришлось продолжить свое обучение. Позже она узнала, что Глеб Евгеньевич был своеобразным вербовщиком, который готовил будущие кандидатуры для таких вот спецшкол. Ла-

на оказалась в числе тех, кого он выбрал из их секции там, в родном городе.

– У тебя хорошие рекомендации, Лана, – сказал тогда инструктор, – но тебе предстоит еще многому научиться. Готова?

Светлана, не задумываясь, ответила, что готова, где-то в душе понимая, что именно к этому и шла всю свою недолгую жизнь.

Началось обучение премудростям разведывательно-диверсионной работы. Их учили прыжкам с парашютом, десантированию по канату с зависшего вертолета, управлению всеми видами транспорта и стрельбе из всех видов оружия. Лана и впрямь оказалась способной ученицей. И в очередной раз поразилась тому профессиональному чутью, которым владел Глеб Евгеньевич, его мастерству, помогающему безошибочно определять подходящих людей. Как он смог в ней, сопливой девчонке, дерущейся в спортивном зале, разглядеть будущего специального агента? Это был не только опыт, это был еще и природный дар. Лана даже удивлялась самой себе, что у нее все так хорошо получается. Оказалось, что у нее отличная память, сноровка, сообразительность и выносливость. Все эти качества, развиваясь, помогали ей достигать результата в новом деле.

Она быстро научилась ориентироваться на любой местности по компасу, карте, природным приметам; засекать нужные объекты, а также уничтожать их; по звукам определять

местонахождение, численность и характер действий противника. Ее научили маскироваться на любой местности, даже если это открытое поле. Бесшумно и незаметно проникать через инженерные и водные преграды, хорошо плавать; работать с минами, бесшумным оружием, арбалетами; карабкаться по отвесным скалам; выживать в горах и пустыне... И еще, конечно, была агентурная работа. Ее научили, как вербовать, правильно проводить встречи, передавать информацию.

Все премудрости работы диверсанта Лана впитывала как губка. Порой ей казалось, что она уже давно это знала, а сейчас просто достает из памяти знания. Обучение у Глеба Евгеньевича тоже не прошло даром. Оно дало девушке основную базу, от которой она смогла отталкиваться. Дальше уже шли детали.

Лана и не заметила, как от теории перешла к практике. Едва поняв, что девушка уже вполне способна приносить реальную пользу, начальство тут же отправило ее на задание. Первое свое боевое крещение она получила в двухтысячном году, когда боевики исламского движения Узбекистана пытались прорваться на территорию Киргизии. Потом были операции в Абхазии и Чечне. Спустя полгода ее вызвал к себе начальник спецшколы и сказал, что пришел приказ перевести ее в Москву для дальнейшего прохождения службы в одном из секретных отделов. С тех пор Лана участвовала только в операциях под грифом «Совершенно секретно».

Иногда, как и для выполнения этого задания, ей в помощь давали бойцов спецназа. Лана уже привыкла находиться в компании мужчин, которые, как правило, считали себя профессионалами во всем и смотрели на нее с усмешкой...

– Так мы сегодня услышим рассказ или нет? – голос ротного вернул девушку к реальности.

– Как-нибудь в другой раз, – отмахнулась Лана. – Думаю, мой рассказ ничего не изменит. Вы все равно останетесь при своем мнении, так зачем тогда впустую сотрясать воздух?

– Не-ет. Так нечестно, – не согласился Федор. – Вы, значит, знаете о нас все, а мы должны оставаться в неведении.

– Надо переодеться и разобраться со снаряжением, – Лана перевела разговор на другую тему.

– А раздеваться догола? – усмехнулся Федор.

– А как будет удобнее, – не моргнув глазом, ответила девушка и, встав во весь рост, прошла в конец салона, где было приготовлено все необходимое для выполнения поставленной задачи...

* * *

Змей был русским, но всю жизнь прожил в Узбекистане. Он здесь родился и вырос, знал язык и следовал местным обычаям. Даже когда в стране стали происходить столкновения узбеков с русскими, он все равно оставался «своим». Когда начались первые погромы и русских стали вытеснять, его

родители решили уехать в Россию. На отказ сына отправиться вместе с ними они отреагировали как любые нормальные родители:

– Ты что, не понимаешь, что тебя здесь рано или поздно убьют? Ты русский! А русских здесь не любят!

Но Змею повезло. Его не убили ни во время погромов, ни после. Отправив родителей к дальним родственникам в Ставропольский край, Змей вместе со своими друзьями, среди которых были как узбеки, так и русские, стал заниматься экспроприацией, а попросту мародерством. Пока остальные пытались выдавить из страны все русскоязычное население, они вламывались в брошенные квартиры и дома и вывозили оттуда все, что убежавшие в страхе люди не успели забрать. Это были ковры, мебель, бытовая техника и многое другое, что потом легко сбывалось в горных селениях «темным», но богатым узбекам и таджикам. Сперва все шло хорошо. Но, как известно, сколько веревочке ни виться...

В один прекрасный по погоде, но не по обстоятельствам, солнечный день их машину, набитую краденными вещами, остановили на горной дороге и, заковав их в наручники, отвезли в милицию. Ребята так заигрались, что не заметили, что в республике уже давно навели более-менее нормальный порядок, а власти рьяно взялись отлавливать распоясавшихся бандитов. Так Змей попал в колонию. Причем попал с немалым сроком. Если других за подобные преступления осуждали на пару годков, то ему и его поделщикам решили

устроить показательный суд и дали на всю катушку.

Свои пять лет Змей отсидел от звонка до звонка. Он честно трудился, следовал правилам внутреннего распорядка, не лез в авторитеты и не совался, что называется, со своим уставом в чужой монастырь. В общем, жил как примерный заключенный, пытающийся честным трудом и примерным поведением искупить свою вину перед обществом. От родителей он получал редкие посылки и письма, в которых они сообщали ему, что жизнь на свободе сейчас непростая и что общество разделилось на бедных и богатых. Судя по скудному содержимому посылок и редкости их появления, родители явно не попали в богачи...

Выйдя на свободу, Змей, столкнувшись с реальностью, понял, что родители его просто жалели, не рассказывая всю правду. За те пять лет, которые Змей провел в колонии, жизнь не просто изменилась, а стала неузнаваемой.

Яркие неоновые лампы освещали дорогие рестораны и бутики. На каждом шагу встречались новенькие иномарки, в которых ехали довольные жизнью люди, небрежно поглядывающие через стекло на всех остальных. Теперь всем заправляли деньги, и только деньги. Если они у тебя были, тебя везде принимали с распростертыми руками, ты был нужен и интересен. А вот если в твоих карманах гулял ветер, то тебя и на порог не пускали, откровенно давая понять, что никому до тебя нет ни малейшего дела. От прежнего азиатского гостеприимства не осталось и следа. Каждый жил только свои-

ми проблемами, своими радостями и горестями, не обращая на других, пусть даже некогда близких людей, внимания.

Вначале Змей хотел податься к родителям, но тут же столкнулся с серьезной проблемой. Надо было менять паспорт, а для этого опять же нужны были деньги. Каждый на своем месте, будь то паспортистка или врач, хотел теперь получать за свою работу не только зарплату, но и беленькие конверты с дензнаками, которые приносили бы посетители. Все перевернулось с ног на голову...

После безрезультатных попыток устроиться на работу Змей понял, что у него только один путь – опять взяться за старое. В первой же квартире, которую он решил «взять», была установлена сигнализация, и уже через пять минут Змей снова оказался в наручниках.

Судьей оказался пожилой узбек, который, видимо, был из тех, кто недолюбливал русских, и поэтому Змею был вынесен суровый приговор: десять лет строгого режима. Змей был готов ко всему, но не к такому повороту событий...

Все мечты и надежды рухнули в одночасье. Теперь он решил любыми путями как можно скорее оказаться на свободе. Однако Змей отлично понимал, что на сей раз хорошее поведение не сократит его срок. Ему хватило первого раза, когда он, несмотря на свое примерное поведение, вышел точно по звонку и ни днем раньше. Так что на условно-досрочное либо на амнистию надеяться не приходилось. Но и сидеть Змей больше не хотел. После того, что он увидел на свободе,

тратить свои пока еще молодые годы, которых осталось не так уж много, на мотание срока было невыносимо. Особенно после того, как он увидел, во что превратилась жизнь там, по ту сторону решетки, какие возможности она сулила, если взяться за нее с умом... У Змея кружилась голова, он готов был прямо сейчас перестрелять всех охранников и вырваться на волю, будь у него оружие... Но он умел ждать и обладал выдержкой, чтобы действовать не сгоряча, а основательно подготовившись.

Для себя Змей решил во что бы то ни стало совершить побег и покинуть уже порядком поднадоевшие места. Он решил бежать за границу, а именно в Китай. Ему почему-то казалось, что в такой многочисленной стране он сможет легко затеряться. Но, как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дело в том, что колония строгого режима находилась в горах, и Змею нужен был проводник, который смог бы хорошо ориентироваться на местности, так как предстояло обойти немало постов. И такой человек был. Киргиз Мустафа отбывал свой срок в одном отряде со Змеем. Мустафа, которому было сорок с небольшим, большую часть своей жизни проработал лесником и прекрасно знал прилегающую к колонии местность. Он, как никто другой, подходил на роль проводника. Но была одна загвоздка, даже не загвоздка, а огромная проблема: Мустафа не собирался убегать. Он хотел отсидеть, как положено, свой срок и выйти на свободу, что называется, с чистой совестью. На все угово-

ры Змея он отвечал категорически: «Нет!»

– Зачем мне бежать, Змей? – спрашивал киргиз, прищуривая и без того узкие глаза. – Убежишь – добавят еще срок, а мне хочется скорее вернуться к жене и детям. Так что не обессудь, Змей, в этом я тебе не помощник. Если хочешь, могу тебе нарисовать карту, как горными тропами обойти все посты...

– Не надо.

Змей понимал, что может запросто заблудиться в незнакомых местах и снова оказаться там, откуда сбежал. К тому же он не умел читать карты.

Так прошел год, потом другой, но Змей продолжал вынашивать в своей голове план побега. И вот однажды обстоятельства сложились удачно. Вечером в новостях показали репортаж, где сообщалось, что в Бишкеке и других городах начались массовые беспорядки. Змей видел, как напряглись эки-киргизы. На следующий день уже сообщалось, что беспорядки не только не прекратились, но и появились убитые и раненые, а власти не в состоянии навести порядок. Теперь киргизы уже не просто напряглись, а стали переживать за своих родных и близких. Ведь они, как никто другой, понимали, что в такие моменты действуют мародеры, убийцы, насильники и другие отморозки. Змей это тоже понимал, но смотрел на это совершенно другими глазами. Он быстро смекнул, что в такой ситуации, пользуясь безвластием в республике, сможет с легкостью обзавестись не только докумен-

тами, но и первоначальным капиталом. К тому же он внимательно следил за реакцией Мустафы. Он знал, с каким трепетом лесник относится к своей семье. Терпение Мустафы закончилось в тот момент, когда в очередных новостях передали, что наравне с беспорядками в городе начались грабежи и убийства мирных граждан.

Однажды вечером Мустафа сам подошел к Змею.

– Ты еще не передумал бежать? – спросил он; было видно, что решение дается леснику с трудом.

– Не передумал. А что, готов помочь?

– Готов, – глядя перед собой суровым взглядом, ответил Мустафа. – Мне во что бы то ни стало надо попасть туда и увезти семью в безопасное место. У нас, у киргизов, все дела решает муж, так что без меня моя семья не двинется с места, даже если станет совсем плохо.

Лесник сжал кулаки, и Змей понял, что теперь Мустафа готов выполнять все, что скажет Змей, лишь бы только выйти за ворота зоны. Однако Змей решил сразу поставить киргиза в зависимое положение, чтобы потом не было проблем.

– Послушай, Мустафа, а зачем ты мне теперь нужен? Теперь мне незачем бежать за границу, ведь я преспокойно могу все решить здесь, в Бишкеке. Ты же и сам не дурак и прекрасно понимаешь, что вся эта бодяга продлится еще очень долго, а значит, в этой неразберихе можно будет стать новым человеком, с новыми документами и так далее. – Змей развел руками.

– Послушай, Змей, мне очень надо попасть домой, у меня там маленький сын, – почти взмолился Мустафа. – Я знаю точно, что у тебя уже есть план побега. Возьми меня с собой, будь человеком! – Лесник схватил его за плечи.

– Я подумаю, – спокойно ответил Змей и, освободившись от рук Мустафы, пошел в барак.

План побега у Змея действительно имелся. За прошедшие два года все было подготовлено: в надежном месте в промзоне Змей уже припрятал все необходимое. Оставалось только дожидаться нужного момента. И этот момент настал.

На утренней поверке Мустафа снова подошел к Змею.

– Если ты откажешься мне помочь и взять меня с собой, то я сам уйду! – заявил киргиз.

– Не пыли, Мустафа. Сегодня, когда закончится смена и все начнут готовиться покинуть промзону, держись рядом со мной, будем уходить, – прошептал Змей, оглядываясь по сторонам.

– А как?!

– Потом узнаешь. Всему свое время, – отрезал Змей.

* * *

На вышках по периметру зоны стояли в основном узбеки и таджики, не отказывающиеся от денег, которые им предлагали заключенные. Они приторговывали водкой, сигаретами и анашой, охотно продавая их в пять, а то и в десять раз

дороже настоящей цены. Но у них тоже было свое начальство, которое в свою очередь пыталось бороться с такими противозаконными действиями со стороны своих подчиненных, и поэтому «вышкар» прятали товар в густых зарослях возле своего поста. Когда очередной заключенный подходил к вышке и просил продать ему, например, бутылку водки, «вышкар» требовал сначала деньги, а когда убеждался, что все в порядке, спокойно спускался с вышки и приносил необходимый товар. Все вышки стояли так, что с одной было видно, что происходит на другой, и поэтому никто не переживал, что какой-нибудь зэк рискнет взобраться на вышку и совершить побег. Тем более что проделать это надо было за считанные секунды. А если учесть, что зона была обнесена отвесным четырехметровым забором, сделать это без специального снаряжения просто невозможно. Змей долго выбирал подходящее место – и наконец нашел. Здесь две вышки находились не на одной прямой, да к тому же хорошему обзору мешало недавно построенное здание нового цеха. Змей рассчитал все. Им заранее была приготовлена длинная лестница, которая при необходимости разбиралась и собиралась в считанные секунды. Она была сделана из легкого металла и в собранном виде напоминала букву «Г». Это было сделано для того, чтобы не задеть провода сигнализации.

Когда наступило назначенное время, появился Мустафа. Его глаза горели, но в них не было страха.

– Ну что, готов? Или, может, передумал? – поинтересо-

вался на всякий случай Змей.

– Говори, что нужно делать. – Мустафа преданно смотрел на Змея.

– Не торопись. У нас, русских, есть такая пословица: «Спешка нужна только при ловле блох и при е... чужой жены».

Через минуту возле них появился зэк по кличке Отвертка, «шестерка» из другого отряда. Мустафа удивленно посмотрел сначала на «шестерку», а потом на Змея, но тот не придавал этому значения.

– Значит, так, Отвертка. Вот тебе деньги. Сейчас пойдешь к четвертой вышке и возьмешь мне пару бутылок водки и газированной воды. Когда принесешь, получишь от меня пачку чая. Давай, иди! – Змей подтолкнул «шестерку» в спину, выпроваживая его из цеха, в котором, кроме них, уже никого не было.

После того как Отвертка скрылся, Змей повернулся к Мустафе:

– А вот теперь все делаем быстро и четко.

Он в двух словах объяснил леснику план побега.

– Пока Отвертка будет отвлекать другого «вышкаря», мы должны заставить этого, – Змей кивнул в сторону другой вышки, – спуститься вниз.

– Каким образом? Тоже попросим продать водки? Но он может отказаться и подождать, пока его сосед не поднимется на свою вышку, – логично рассудил Мустафа.

– Если так случится, то вступает в силу план «Б», – не смотря на киргиза, ответил Змей.

В это время Отвертка уже договорился с постовым, и тот, оставив свой пост, стал спускаться за нужным товаром вниз.

– Пошли! – приказал Змей, и они, подхватив лестницу, направились к стоящей неподалеку вышке.

Это была промзона, и поэтому заключенные с лестницей в руках ни у кого не вызывали подозрения.

Подойдя к постовому с автоматом, Змей крикнул:

– Слышь, командир! Есть что-нибудь из марафета? Готовы приобрести хорошую партию. У нашего кореша сегодня днюха... – Змей продемонстрировал несколько тысячных купюр и помахал ими в воздухе, выставив вперед руку.

– Сегодня ничего нет, – расстроено ответил узкоглазый узбек.

– Да ладно, командир, мы хорошо заплатим, тащи все, что есть! – попросил Змей и покосился на соседнюю вышку.

Время шло на секунды. В любую минуту мог по-явиться кто-то посторонний, тогда ничего бы не получилось и пришлось бы откладывать побег на другое время. Но в таком случае Мустафа мог уже и не согласиться.

– Я сказал, что у меня ничего сегодня нет. Идите к другому, – «вышкарь» кивнул на соседнюю вышку.

– Что будем делать? – прошептал Мустафа растерянным голосом.

– План «Б», – ответил Змей, и в тот же момент в его ру-

ке появился небольшой самодельный арбалет, который он навел на постового. Секунда, другая... Постовой, не ожидавший такого поворота событий, опешил и даже забыл про свой автомат. Его узкие глаза округлились, и он замер на месте, что дало Змею время прицелиться. Каленая стрела со свистом пролетела несколько метров и вонзилась прямо в сердце узбека. Недаром в течение года Змей тайком учился стрелять из своего самодельного оружия, и поэтому в нужный момент его рука не дрогнула, а стрела попала точно в цель. Смерть постового была мгновенной. «Вышкарь» покачнулся и медленно сполз на деревянный пол вышки.

– Ты что наделал, Змей?! Это же мокруха, за которую нам впают по самое не хочу... – начал было перепуганный насмерть Мустафа, но Змей, не теряя драгоценного времени, скомандовал:

– Вперед, на вышку. И так уже время потеряли...

Лесник, все еще находясь в состоянии растерянности, схватил лестницу и помог Змею приставить ее к вышке. Он даже не заметил, откуда у его поделщика появился в руках рюкзак.

Первым полез Змей. Несколько метров до цели он преодолел за доли секунды – опять сказались многодневные тренировки. Следом – не так быстро, конечно же, но все же, – подгоняемый собственным страхом, за ним проделал этот путь киргиз. Не останавливаясь, Змей выхватил из рук мертвого постового автомат и, оглядываясь по сторонам, стал спус-

каться с вышки. Пока все было тихо...

* * *

После приземления самолета к нему подъехал военный «бобик», за рулем которого сидел русский парень.

– Это за нами, – сказала Лана и первой двинулась к машине.

– С комфортом поедem. – Федор подмигнул ротному, показывая на чудо автопрома.

До города ехали молча. По-видимому, у шофера были специальные указания, куда ехать, а спецназовцы мысленно готовились к предстоящей операции. Еще издали было видно, как в городе то там, то здесь появлялись столбы дыма – иногда черного, а иногда белого. Ротному это напомнило начало войны в Чечне. Тогда тоже все начиналось с малого. Он прекрасно понимал, чем могут закончиться подобные столкновения, и поэтому не питал никаких иллюзий по поводу сложности предстоящего задания. Неуправляемая толпа людей, одержимая идеей, может сравниться с монстром, который сносит все на своем пути.

Прошло много времени, и кажется, что память уже стерла все воспоминания, но как потревожишь ее – так будто нож проворачивается в сердце... Шла осень девяносто шестого года, последняя осень первой чеченской войны. Тогда боевики, собрав все силы и просочившись в Грозный, появились

будто бы из-под земли и начали выбивать милицейские подразделения, блокпосты... Ротный и еще трое бойцов тогда сопровождали одного военачальника из Главного управления. Город горел; то тут, то там раздавались взрывы. По радиации то и дело звучали просьбы о помощи: «Нас прижимают боевики! Пришлите помощь! Помогите, братцы!» Весь город был завален трупами федералов и боевиков, горела боевая техника. Это было страшное зрелище...

У оборонявших комплекс правительственных зданий бойцов оставались последние патроны, а боевикам, казалось, не было счёту. Ротному и полковнику внутренних войск, как наиболее компетентным в военной области, пришлось организовывать оборону. Также вместе с ними обороняли дом сотрудники чеченского полка патрульно-постовой службы. Те самые чеченцы, которые поверили, что Россия положит конец этому бандитскому беспределу, перешли на ее сторону. И они готовы были драться и умирать за это...

– Надолго нас не хватит, – сказал ротный полковнику внутренних войск, осторожно оглядывая из оконного проема подходы к зданию Федерального агентства госбезопасности. Только что по радиации они узнали, что подкрепления им не дожидаться. Колонна внутренних войск, спешащая на разблокирование, намертво увязла в уличных боях.

– Уж насколько хватит, – ответил полковник.

В административном здании собрались не вояки, а штабисты и опера, не особо хорошо владеющие искусством боя.

Но все же они взяли в руки оружие.

Ситуация, честно сказать, была дерьмовая. Расставили огневые точки, но все понимали, что без боеприпасов их долго не хватит...

И тут откуда ни возьмись появился капитан чеченской патрульно-постовой службы Магомед.

– Я, кажется, знаю, где несколько ящиков с патронами спрятали, – заявил он.

Спустя некоторое время из подвала извлекли ящики с драгоценными боеприпасами.

А потом послышался боевой клич, и из всех щелей из развалин, поливая сумасшедшим огнем и не жалея патронов, поперли на штурм боевики. Они считали, что их взяла. Обожравшись наркоты, они не боялись смерти и шли почти в полный рост, крича свое неизменное «Аллах акбар!» и поливая вокруг себя из автоматов.

Уверенность, что у русских кончаются патроны, подтвердила пара жиденьких очередей из здания. Чеченцы двинулись увереннее. Тут-то и заработали умело расставленные огневые точки, причем во всю мощь. Скосили шеренгу, разметали нападавших, заставив их залечь. Чеченцы потом закидывали крючья и вытаскивали своих убитых, поскольку приблизиться им не давали. Многих они там положили...

– Ну что, обломали мы им рога! – с восторгом произнес Магомед, поглаживая разогретый автомат. – Зря они пришли сюда. Здесь все найдут свою смерть...

И действительно, растерянность первых часов миновала, а на смену ей пришла уверенность в своих силах. Федеральные силы перегруппировались. Чеченцы, кроме милицкого штаба, не завоевали ни одного военного объекта. Следом подтянулись к городу и взяли его в кольцо армейские части. Командующий войсками выдвинул ультиматум – десять часов на то, чтобы боевики сдали оружие и вышли с поднятыми руками, иначе начнется обработка города по полной – с авиаударами и артиллерией. Это был хороший шанс перемолоть основные части боевиков, которые бросили в город все свои боеспособные силы.

И тут приехал руководитель Совета безопасности – и на свет появился Дагестанский договор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.